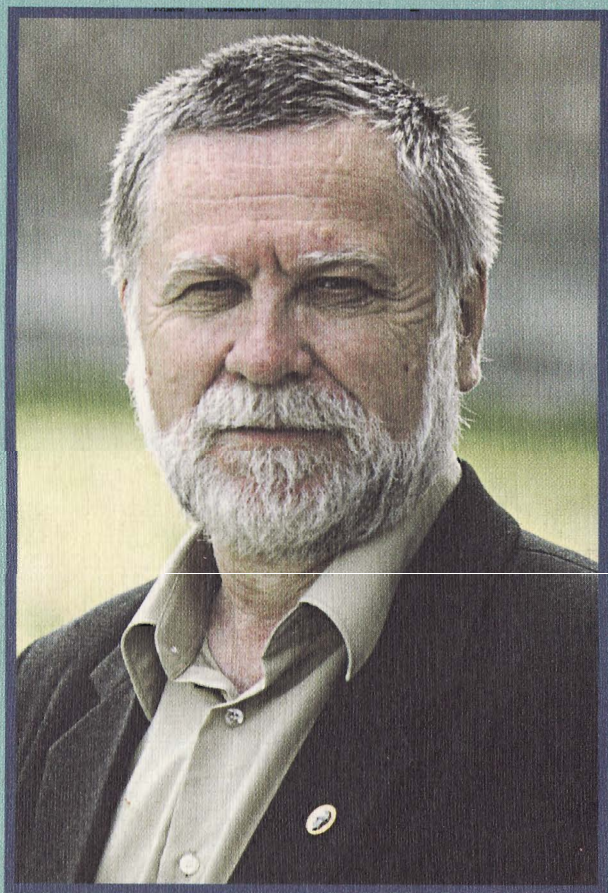

84Р6 К
Б91

БОРИС БУРМИСТРОВ

**ТЁПЛОЕ ДЫХАНИЕ
ЗИМЫ**

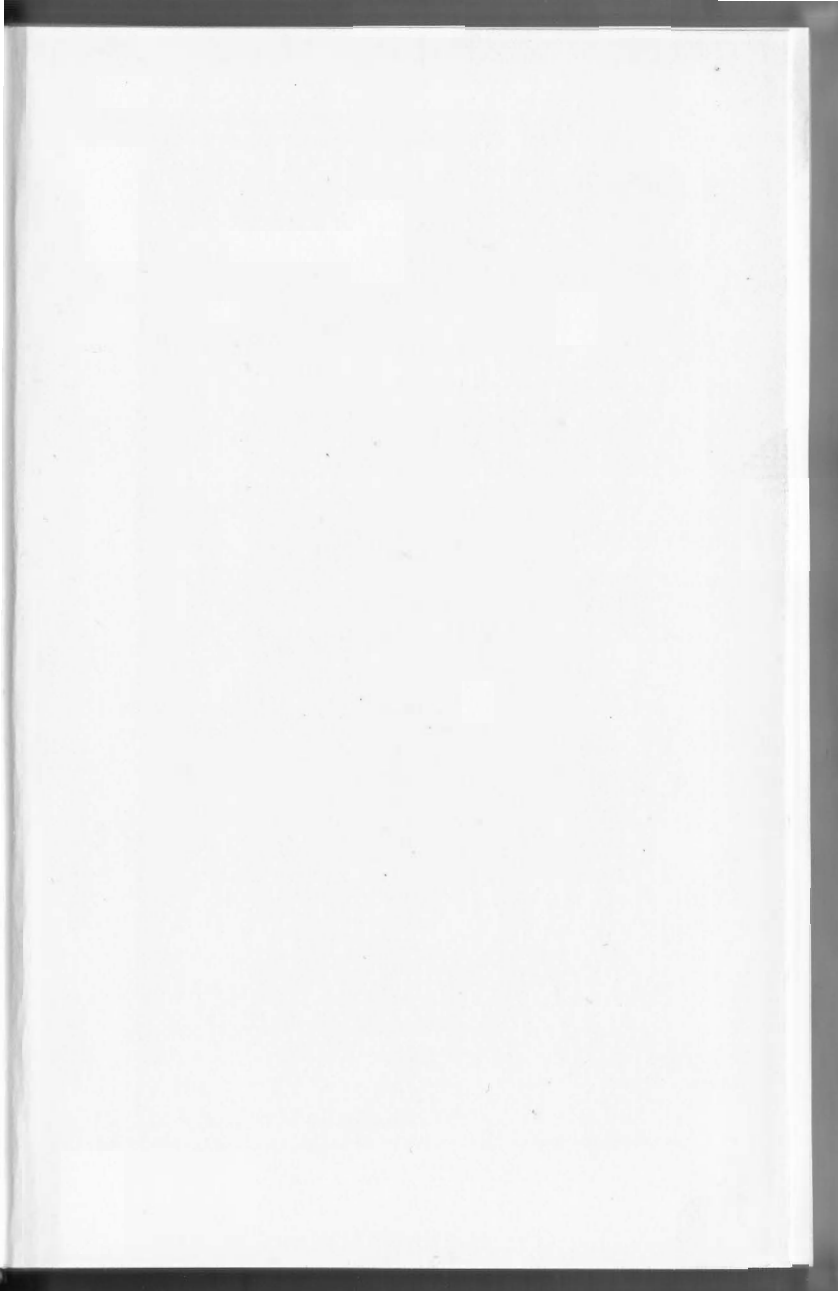
7-31-45

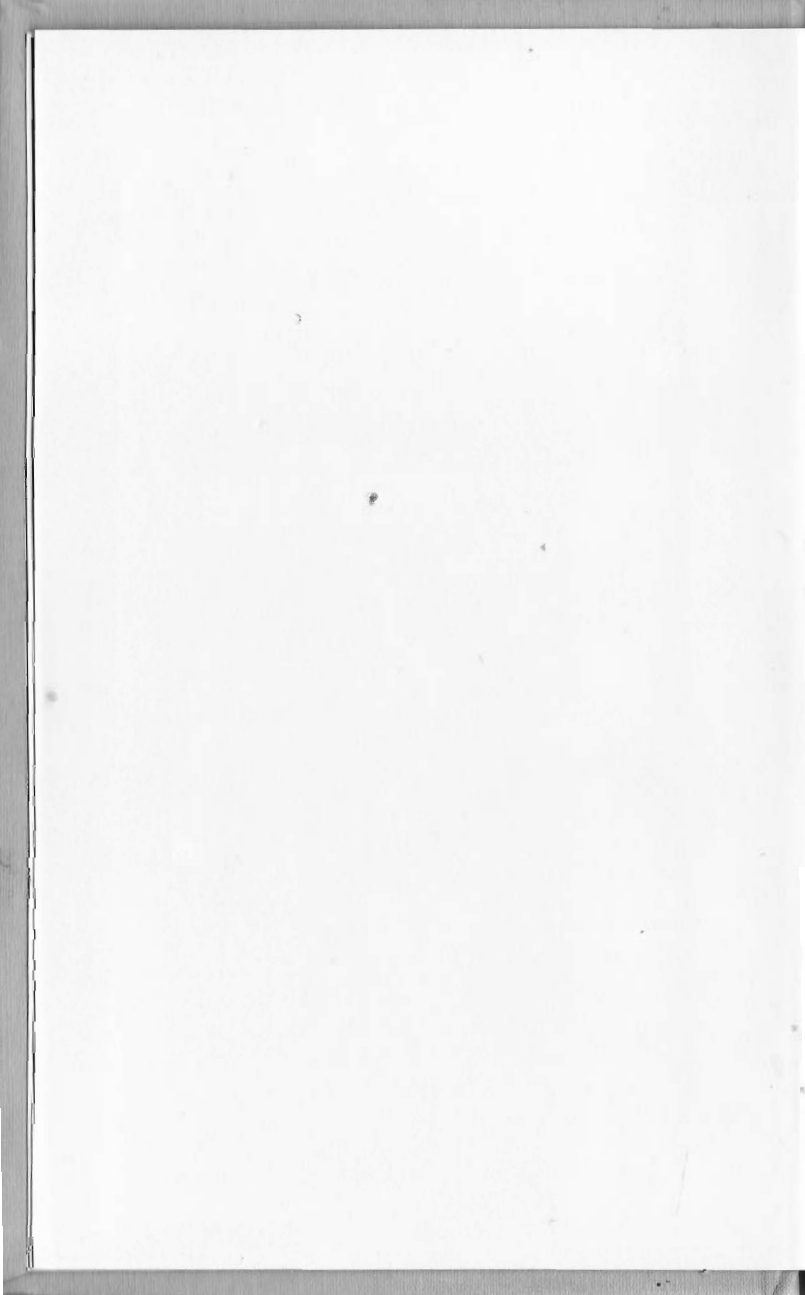
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

7/12 - 4066	1/3 - 705.
01/10 - 11	
2/4 - 380	
	18/12 - 2324

84Р6 К
Б91

**БОРИС
БУРМИСТРОВ**

**ТЁПЛОЕ
ДЫХАНИЕ
ЗИМЫ**

Стихотворения

*Москва
2005*

ББК 84 Р7 (Рос. - Рус.)

УДК 88

Б-72

МБ-12

Борис БУРМИСТРОВ. Тёплое дыхание зимы.
Стихотворения М., «Московский Парнас», 2005,
с. 128.

75778 (1)

Ц Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

ISBN 5-7330-053-46

© Бурмистров Б. В.

© Ханбеков Л. В.

Предисловие.

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МУК "ЦБ. и д. а. Кузнецкой"

«Я — ЛИСТОЧЕК НА ВЕТКЕ ЛЮБВИ...»

Борис Бурмистров для меня — прежде всего певец родной земли и любви.

Жить для него — «истончиться любовью к ближним». И это не бравада, не прилив эмоций в известный час в поэтическом дружеском кругу, не словесный ритуал, который, согласитесь, с годами и со множеством таких, не подтвержденных судьбой, заклинаний несколько пообрепался, повыцвел. А тут вновь — естественный корень судьбы и жизни на свете, мировосприятие и мир словотворчества.

Это для него и признание любимой, всегда с сумашедшинкой, с самоиронией (Что же это со мной такое делается, что я растворяюсь в любви и ничего не могу с собой поделать? Наверное, со стороны кажусь мальчишкой, глуповатым и наивным!).

Это для поэта исповедь, предназначенная одной, единственной. Но что делать, если живет на свете такая традиция — обнародовать стихами чувство?!

Это для него и молитва, и покаянье бродяги перед порогом заждавшегося отчего дома, перед

старенькой матерью, поседевшей и усохшей в заботах. И клятва — ни на шаг не отступить перед нахрапом новых властителей мира — временщиков и захребетников.

Нет любви в мире — и буйствуют разор, нелюдь, злоба.

Нет любви — и у власти казнокрады, болтуны, разорители России.

Нет любви — и дети, будущее Державы, несчастливы, «обезнежено в мире живут», бродяжничают. Кто из них вырастет?

А если в сердце любовь, каждый миг бытия становится сокровенным, дорогим, согретым участием и состраданием. Не остыла, не очерствела душа — и под каждой крышей радость, согласие, вера, надежда. Не растрочен попусту сердечный пыл — и всё образуется, придут в песню необходимые слова, не могут не придти...

*Твои глаза — два озера глубоких,
Как ни гляди, в них не увидишь дна.
С ума свела ты, видно, очень многих.
Уже ль и мне пора сходить с ума?*

*С ума сойти и побрести по кругу,
В котором ни начала, ни конца!
И отыскать в потемках твою руку,
И воздухом качнуться у лица(...)*
(«Твои глаза — два озера...»)

Даже в несчастливой, неразделённой любви у Бурмистрова непременно звучит, слышится, озаряя всё и согревая теплом, солнечная, доверительная нотка:

Я хотел тебя сделать счастливой,

Я не знал, что ты ею была...

(«В этой жизни унылой...»)

В книгах «Живу, и радуюсь, и плачу...» (1999), «День зимнего солнцестояния» (2001) он оставался лириком «кузбасского замеса», излишне сосредоточенным на личных и «местных», сибирских проблемах. Это невольно сдерживало его всероссийский замах, неизбежно ограничивало интерес читателя, который являлся уроженцем или приверженцем иных просторов и иных проблем.

В сборнике, который поэт доверил «Московскому Парнасу», его негромкое, самоироничное слово, как долго сдерживаемое дыхание, обрело и глубинную силу, и бесспорную, очевидную мощь.

О, далёкие предки мои,

Россияне — сыны вольнодумства!

В моём сердце доньне горит

Ваш огонь доброты и безумства.

(...)

Горе сгинет, и смута пройдёт,

Даст нам Бог высоты и простора.

*Покаянное время грядёт,
Русь, Россия — судьба и опора.*

(«Родова»)

Негромкий, несуетный, но корневой и неотъемлемый патриотизм Бориса Бурмистрова — подлинность и основательность земных дел, незамутненность мысли в стихах при полном торжестве образности, метафоричности, глубины и естественности переживания.

[Язык его поэзии — живой, подвижный, озорной и проникновенный. Он то усталый, хрипловатый от сибирских вьюгов и метелей, то солнечный, жизнерадостный, а может обернуться набатным, когда к сердцу подступает боль отчаяния, когда рассудок опалает гнев: и сколько же еще терпеть России временщиков и хриstopродавцев?!]

Вьюга, метель.

*Ни рубля в кармане не имею
И у копилке тоже не звенит,
И живу на свете как умею,
Как умею, как душа велит.*

*Как душа родименькая просит,
А другая, близкая, горит:
«Где тебя по белу свету носит,
Чем детей ты думаешь кормить?».*

*Ничего я против не имею,
Козырнуть бы, да вот нечем крыть.*

Видно, жить на свете не умею...

Не умею, что тут говорить.

(«Исповедь поэта»)

Если вдуматься, в этих стихах не только автопортрет сибиряка Бориса Бурмистрова, в них зеркало души русского поэта и человека на распутье двух веков и двух тысячелетий. Неприкаянным оказался сын великого народа, не раз спасавшего хваленые европы от диких варваров и цивилизованных вандалов. Наедине с горькой обидой на собственное долготерпение, на собственную бескрайнюю доверчивость, на свою, выходит, несколько преждевременную всемирную отзывчивость...

Но ведь и суть высказана. Воочию предстаёт в незамысловатых строчках та подспудная сила, та необратимая глыбистость русской души со всей её непритязательностью, неприхотливостью, бессеребреничеством и до поры, — до поры! — дремлющей несокрушимой волей. Да, да, волей!

Читая Бурмистрова, видишь, как ирония зачастую переходит в сарказм, раздражение — в гнев, тихая вечерняя молитва, беседа с близкими — в резкость, в хлёсткую пощечину общественной инфантильности, беспринципности, мягкотелости.

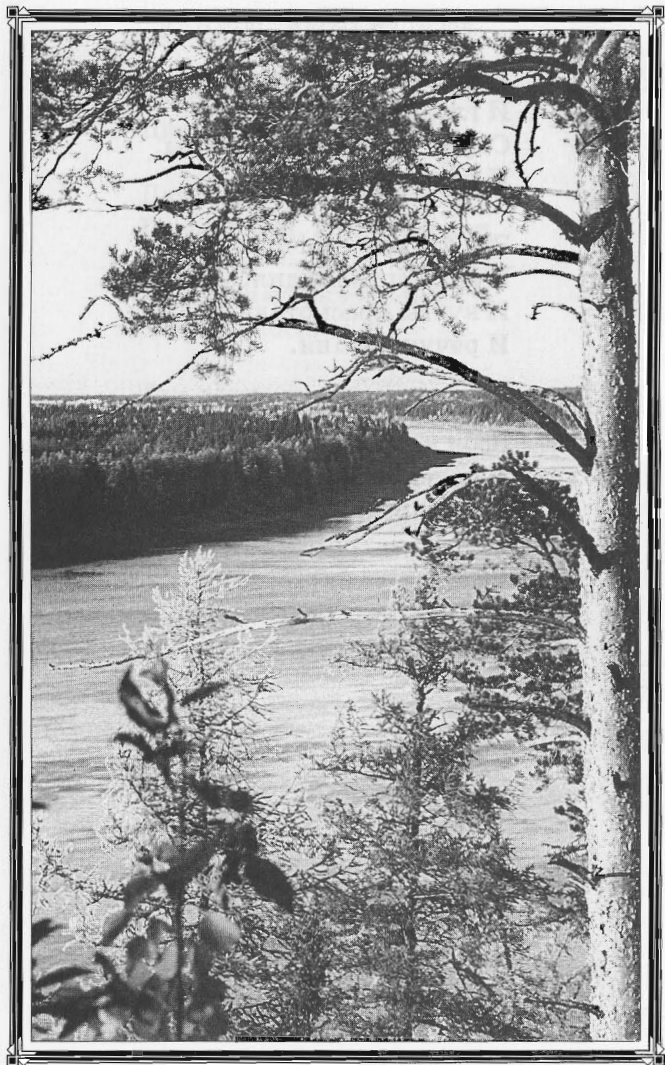
В одной из шуточных миниатюр он, истинный лирик, не желая ссоры с самим собой, знатоком тончайших движений души, отвергая не-

минуемое внутреннее раздражение, готов «на замочек душу» застегнуть. Но время, окаянное время, которое, увы, мы как родину не выбираем, вынуждает его, лирика, единожды и навсегда присягнувшего Руси, России, родной земле, родове, трём женщинам «любимым, трём печалям» — матери, жене и дочери, вынуждает откликаться на суетное, проходящее, богомерзкое, чтобы хоть так отодвинуть его от себя.

«Московский Парнас» искренне желает большому сибирскому поэту постоянного упругого, жизнетворного ветра в паруса ладьи его вдохновенья!

Леонид ХАНБЕКОВ,
член-корреспондент Академии
русской словесности

май 2005 г.
г. Москва

* * *

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...

Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня.

Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далекий былинный
Голос предков моих.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заколочены крестом
Два окна в бараке том.

Два окна — и тьма и свет.
Память там, а нас там нет.

Там гуляют сквозняки,
Задевая косяки,

Там давно уже в ночи
Холод веет от печи.

И который год подряд
Молча стены голоса...

СМЕРТЬ БАБКИ

Успокоилась, руки сложила,
Отдохнуть вдруг решив среди дня,
И лицо ее будто молило:
Не будите без дела меня.

И ходили на цыпочках дети,
И внучата молчали в углу.
Все, казалось, затихло на свете,
Только время текло по стеклу...

Отдыхает старушка, ей спится:
Знать, усталость — причина тому...
Отчего же в слезах наши лица,
И так скорбно, и зябко в дому!

БАТАГАЙ

Отменены надолго все полеты,
Над летным полем виснут облака,
И без работы — грустные пилоты
Играют в подкидного дурака.

Не протолкнуться в «зале ожидания»,
Ни встать, ни сесть: на каменном полу
Мешки, узлы, как знаки запинанья,
Расставлены неправильно в углу.

Четвертый день — и не видать просвета,
Туман укрыл поселок Батагай.
Устал кассир, уходит от ответа,
Хоть телеграмму Господу давай!

Спешит народ: кто в Гагру, а кто в Сочи.
Висит плакат, гласит: «Аэрофлот —
Удобно, быстро, днем или средь ночи...»
А отпуск мой, наверно, здесь пройдет.

Хожу, брожу в измятой куртке финской,
Пишу стихи про этот чудный край,
Поет транзистор — голос Кристалинской:
«Не улетай, родной, не улетай...»

* * *

Хоронили в селе пастуха,
Говорили: «Ударило громом.
А за ним никакого греха
Не водилось». И тихо над гробом
Разговоры вели мужики:
«Видно, Богу угодно так было,
И ему, знать, нужны пастухи,
Без присмотра нечистая сила...»
Помолчали и гроб понесли
В дальний путь от родного порога...
А наутро коровы пошли,
От копыт загудела дорога.
Вышел сын пастуха Николай
И отцовским кнутом размахнулся,
Щелкнул лихо и крикнул: «Давай!».
И без злобы на стадо ругнулся.

* * *

Загляделся в прозрачный ручей
И над жизнью задумался снова:
Отдохнуть бы от мутных речей
В ожидании светлого слова.

Как прекрасен родимый язык,
Как он в строчки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник —
До конца моих дней не напиться ...

* * *

Песочные часы. Шуршание песчинок.
Почти не слышен времени уход.
Мир состоит из капелек и льдинок,
Из снежных гор и океанских вод.

Великое и крохотное рядом,
Минутное и вечное — в одном,
В одном сосуде розово-стеклянном,
Заполненном просеянным песком.

Текут песчинки, время отмеряют,
На дно сосуда падают шурша...
И с каждою песчинкой умирает
И снова возрождается душа.

Неумолимо времени течение
Судьба — песчинка. Двигается песок...
И смерть полна высокого значенья —
Душе никто не отмеряет срок.

ПОГОРЕЛЬЦЫ

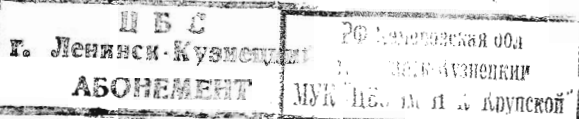
Раскатали домишко по бревнышку
И снежком притоптали дымок,
И навстречу студеному солнышку
Покатили свой хилый возок.

Что их ждет впереди за холмами?
Что им низкое небо сулит?
Снег тяжелый скрипит под носами,
Спотыкаясь, собака скулит.

Неизвестность, неясность, тревога
И надежда, что это — пока...
И петляет, петляет дорога,
Будто тянется нить из клубка.

Разматывается пряжа нескоро,
И нескоро окончится путь.
У чужого приткнется забора
Этот горький возок отдохнуть.

И живем мы спокойно на свете,
На душе ни тоски, ни вины.
Тянут воз свой российские дети
По дорогам любимой страны.

* * *

Когда сменяются цари —
Один другому петлю вяжет,
Пока погода, до зари —
Мужик с молитвой поле пашет.
Когда сшибаются вожди —
Один другому яму роет,
Пока не грянули дожди —
Мужик соломой избу кроет.
Когда грозятся небеса
И над землею гром грохочет,
Гуляет по полю коса —
Мужик о будущем хлопочет.

Хороним мальчиков своих,
Любимых мальчиков хороним.
Наотмашь бьет судьба под дых,
И мы от боли адской стонем.

Какая сила держит нас?
Тебе и мне пред кем виниться?
Вокруг метели — дикий пляс
И чей-то плач, и чьи-то лица.

Пред кем колени преклонить,
Кого просить, кому молиться?
Но поздно, поздно — рвется нить,
И нет узла, чтоб зацепиться,

Чтоб удержать в руках ту нить...
Скользит, скользит меж пальцев время.
И как теперь нам дальше жить,
И как нести такое бремя?

За что же, Господи, за что?
Ответа нет, и не дожидаться...
В прихожей к детскому пальто
Мое пытается прижаться.

* * *

Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.

Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

* * *

Ходил, бродил по свету,
Все подбирал по цвету:
Рубаху, женщину, пиджак.
А вслед кричали: «Вот чудак,
Ему не нравятся цвета!
И то — не то, и та — не та.
Неповторимый ищет цвет,
Его, быть может, вовсе нет».
Я улыбался им в ответ —
Нашел единственный тот цвет.
Не зря бродил по свету —
Все подобрал по цвету:
Улыбку, волосы, пальто,
И эта — та, и это — то.

ИЗ ЦИКЛА «КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ»

1

Дом. Окно. Задернутая штора.
На пол сброшен ситчик голубой.
Ты меня забудешь очень скоро,
Я тебя забуду очень скоро,
А потом забудут нас с тобой.

А пока целуй меня, красотка,
А пока, бедовая, пляши!
У меня в кармане полусотка,
На столе шампанское и водка...
Что еще нам надо для души?..

Кончен бал, запахнуто окошко,
Что не так, как водится, прости,
Для меня ты ласковая кошка,
Для тебя я Борька или Гошка...
Все равно. Пора уже идти.

2

Разъезжаются, кончен сезон,
Не должно быть для грусти причины.
Скоро, скоро в объятия жен
Попадут удалые мужчины.
Вот уже в чемоданы летят
Полотенца, носки и пижамы...
На вокзале с рассвета стоят
В карауле курортные дамы.
Провожать они вышли «своих»,
Хоть и временных, все же хороших,
Ни судить, ни оправдывать их
Не могу, да и вряд ли кто сможет.
Разъезжаются, кончен сезон,
Проводницы в вагонах судачат...
Покидая дождливый перрон,
Одинокая женщина плачет.

РОДОВА

Сыну Сергею

Это дерево вечно растет,
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь,
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла Любовь,
И коснулась дыханием слуха.

О, далекие предки мои,
Россияне — сыны вольнодумства!
В моем сердце доньше горит
Ваш огонь доброты и безумства.

Я — листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

Горе сгинет, и смута пройдет,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядет,
Русь, Россия — судьба и опора.

* * *

Как цветок придорожный поникну
На исходе холодного дня.
Проходящему поезду крикну, —
Не услышат в вагонах меня.

Только ветром размытые лица
В желтых рамах успеют мелькнуть.
Будет пыль над землею кружиться,
Оседая на рельсовый путь.

Оседая на травы степные,
Осыпаясь на плечи и грудь...
Простучали колеса стальные,
Скорый поезд назад не вернуть.

Улетел за седые отроги,
То ли в сказку опять, то ли в быль...
Одинокó стою у дороги —
Оседает столетняя пыль.

Вот и вышел намеченный срок,
Приумолкли походные трубы.
С этой женщиной пить бы медок,
Целовать ее сладкие губы.

С этой женщиной век вековать,
Только что мне от века осталось?
Где моя молодецкая стать,
И куда моя юность умчалась?

Исходил я немало дорог,
Верил в силу свою и отвагу...
С этой женщиной пить бы медок,
А не горькую, горькую влагу.

Протекли мои годы в песок,
Слишком призрачны были победы.
С этой женщиной пить бы медок
И хмелеть от вечерней беседы.

В этом мире неясных тревог
Я молю всемогущего Бога —
С этой женщиной пить бы медок
До того, до последнего срока.

* * *

Сколько потеряно,
Сколько не найдено.
Жил неуверенно —
Счастье украдено.

Времечко сдвинуто
Ветрами зимними,
Душенька вымыта
Белыми ливнями.

Что же осталось:
Дорога нездешняя,
Сердца усталость
Да грусть безутешная.

Жил бы уверенно,
Зная доподлинно,
Что не потеряны
Совесь и Родина.

Ниточка тонкая —
Дума заветная.
Жизнь моя горькая,
Жизнь моя светлая.

Утро по полю
Дымкою стелется,
В лучшую долю
Трудно, но верится.

МОЛЬБА

Храни тебя мой бог,
Меня — твоя богиня.
Где движется песок,
Там вечная пустыня.

Где тысячи дорог,
Невидимые взору,
Там движется песок
Не под гору, а в гору.

Моя судьба, мой рок,
Мираж, с которым спорю.
Там движется песок
К сиреневому морю.

Там движется песок,
Как будто кровь под кожей.
Храни тебя мой бог,
Да и богиня тоже.

* * *

Дороги, долгие дороги...
У каждого — своя стезя.
Разлуки, горести, тревоги —
Как будто бы без них нельзя.

Две колеи по бездорожью
Да эхо гулкое в ночи,
Меня пронизывает дрожью
Мерцанье гаснущей свечи.

Скользит огонь неудержимо
И тает, тает вдалеке...
И свет любви нерасторжимой
На этом тонком фитильке.

И след любви необъяснимой
Во тьме отыщется... И вновь
К душе измученной, ранимой,
Как Божий дар, придет Любовь.

* * *

Глаза в глаза, застыли в ожиданьи,
Молчит мой друг, и я молчу в ответ.
Так много слов спрессовано в молчанье.
Прорвись оно — оглохнет белый свет.

Глаза в глаза, молчим, не все же сразу,
По одному нам надо говорить.
И тишиной наполненную вазу
Боюсь случайно на пол обронить.

АЛЕША

Он все ходит и ходит по кругу,
В этом круге его благодать.
Он из круга протянет мне руку —
И шажками по кругу опять.

Этот путь, предначертанный свыше,
Он безропотно, видно, пройдет,
Он слова мои вряд ли услышит,
А услышав, навряд ли поймет.

Он все ходит по кругу и ходит,
Тихо, тихо — не слышно шагов,
И из круга его не выводит
Даже время таинственных снов.

Он во времени будущем где-то,
Или в прошлом, поди разберись.
Он как капелька белого Света,
А вокруг его мрачная жизнь.

РУССКИЙ МОТИВ

Белая, белая дымка,
Воздух морозный горчит,
Утром — туманно и зыбко,
Грустная песня звучит.

С веток дымящийся иней
Медленно падает вниз,
В этой печальной картине
Русская видится жизнь.

Нету на свете чудесней,
Спящих под пологом нив —
В тихой, задумчивой песне
Слышится русский мотив.

Тащит лошадка понуро
Скрип одиноких саней.
Грустно. Но это с природы
Родины милой моей.

Зимняя стынет дорога,
Ниточки — две колеи.
Вера дана нам от Бога,
Верность — от русской земли!

* * *

Отремонтировали дом,
Вновь поселились в доме том
Ребячий смех и женский плач,
Сверчок-зануда, хоть скрипач,
Два лебедя, ковер, река
Да пьяный голос мужика...
Отремонтировали дом —
Но все, как прежде, в доме том.

* * *

Вырыл колодец глубокий,
Хлебное поле полил,
Избу срубил у дороги,
Песню об этом сложил.
Вышел в открытое поле,
Долго в раздумьи бродил,
Выкрикнул: «Вольному-воля»
И... в кабалу угодил.

* * *

Шампанское куплю и шоколад,
Возьму улыбку в цирке напрокат,
Приду к тебе, шампанское — на стол,
Пора кончать бессмысленный раскол.

Раскол в стране и кавардак в дому,
Давай тебя я лучше обниму,
У камелька, обнявшись, посидим,
Любовь — огонь, все остальное — дым.

* * *

Улягутся страсти-мордасти,
Прижмусь я легонько к плечу —
В твоей я, любимая, власти
И власть отбирать не хочу.

Хочу я лишь самую малость,
Печальной лирой звеня —
Дай Бог, чтоб у власти осталось
Немного любви для меня...

* * *

Уезжаю с ночного перрона,
Улетаю в продрогшую ночь.
Через два или три перегона
Боль-обида отцепится прочь.

Через два или три перегона
Что-то вдруг повернется в судьбе —
Проводница седьмого вагона
Мне постельку постелит в купе.

Провалюсь и забудусь надолго
С мыслью доброй о прожитом дне,
Будет верхняя жесткая полка
Мне периной казаться во сне.

Будет женщина долго мне сниться,
И под стук монотонных колес
Промелькнут позабытые лица,
За спиною обрушится мост.

Проводница седьмого вагона,
Мне чужую судьбу не пророчь...
Уезжаю с ночного перрона,
Тихо-тихо баюкает ночь.

* * *

Осенняя трава —
Цветов увядших сад.
Все новые слова
По-старому звучат.

Ревнуй тут, не ревнуй —
Забыты стыд и страх.
Осенний поцелуй,
Как сахар на губах.

Как сладкое вино,
Что так легко пьянит.
А горький сок давно,
Давным-давно испит.

И понимать теперь
Мне больно, милый друг,
Бессмысленность потерь,
Осмысленность разлук.

Осенних дум пора
С судьбой наедине.
Как долго до утра,
Как тихо в тишине.

* * *

Я выпил море, или два,
Припомнить трудно —
Болит с похмелья голова:
Где ночь, где утро?

Где тайный ход на небеса?
Где даром зелье?
Гляжу в лукавые глаза,
Как в подземелье.

Дробятся буквами слова
И мысли — дробью.
Клонится к свету голова,
Тень к изголовью.

Крадется белая луна
По раме гнутой,
Как много выпито вина
И боли лютой...

Вновь плещет море-океан
О берег людный,
По кругу носится стакан —
Бесенок блудный...

* * *

Давайте целоваться,
Пока горит звезда.
Как страшно расставаться
Надолго, навсегда.

Как страшно, Боже правый,
Вдруг, потеряв покой,
Покинуть берег правый
И не найти другой.

Нечаянно сорваться
В бурлящий водопад —
Давайте целоваться,
Пока горит закат.

Пока судьба и воля
Меня от бед хранит,
Пока земная доля
Меня не тяготит,

Пока еще я с Вами,
Пока я Вас молю —
Словами и губами:
Люблю, люблю, люблю...

Давайте целоваться
У моря на ветру —
И жить, и удивляться
Друг другу поутру.

* * *

Не знаю, не знаю, не знаю,
Хоть знаю так много уже...
Тебя от груди отнимаю,
И что остается в душе?

И что остается снаружи?
Вокруг пустота, пустота...
И бродят прозрачные души,
И боль их ясна и чиста.

Качается тополь ветвистый,
И движется, движется тень,
Летят перелетные листья,
То в ночь опускаясь, то в день.

Не знаю, когда возвращаться
Нам снова сюда суждено,
Но время торопит прощаться,
И выбора нам не дано.

ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА

Вот и роца поредела,
Просветлела даль и высь —
Время сжато до предела,
До предела сжата жизнь.

Незаметными проходят
Год за годом, день за днем,
Вот и вечер на исходе,
И — гори оно огнем

Время глупостей крошечных,
Время выдумок пустых —
На земле так много грешных,
Нету места для святых.

В темном небе месяц светит,
Слышен шелест камыша,
И во сне о счастье бредит,
Бредит русская Душа.

* * *

Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой Материк,
И память, как платье, истлела.

Сказала: вернусь, подожди,
Куплю только в булочной хлеба...
Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось Небо.

Остался лишь в памяти лик,
Живу, новый день ожидая...
То солнце проглянет на миг,
То капля падет дождевая.

* * *

Живу, и радуюсь, и плачу,
Уставший от земных потерь,
Еще надеюсь на удачу,
Что стала редкостью теперь.

Чужая ноша давит плечи,
И под ногами гнется лед,
А жизнь идет: то чет, то нечет...
Короче, черт не разберет,

В каком году, в каком столетье
Я прозябаю на ветру.
И так темно на белом свете,
И неуютно так в миру,

Где бесконечными ночами
Я умираю и живу —
То в бездну падаю очами,
То взгляд бросаю в синеву...

ДОМА

Снова войду в эту низкую дверь,
Звякнет щеколда, запрыгают руки,
Будто и не было горьких потерь,
Будто и не было долгой разлуки.

Будто бы не было долгой зимы,
Много пришлось мне скитаться.
Бог уберег от тюрьмы. От сумы
Так и не смог отвязаться...

ПЕРЕД БИТВОЙ

Я вышел сегодня из дома
Часов то ли в пять, то ли в шесть —
Морозно дымилась солома,
Кустарников дыбилась шерсть.

Была, видно, поздняя осень,
А впрочем, так виделось мне.
Часов, может, семь, может, восемь
Я шел по колючей стерне.

Деревьев прозрачные тени
Летели и падали ниц,
И дали в округе темнели,
Не слышалось пения птиц.

Как будто уставшее время
Сменялось на время другим...
И всадник подтягивал стремя
И целился взглядом тугим.

Сыну Евгению

Что в мир подлунный мы несем,
Любовь ли к ближним, Божью ль милость?
Такая временность во всем,
И одуванчиков пугливость —

Стыдливость осени. Все здесь,
Все до последнего предела.
И здесь впервые «Даждь нам днесь»
Душа счастливая пропела.

Здесь легкий шелест ветерка
С холмов бледнеющих стекает.
И все таинственно пока,
Пока душа того желает.

Шагну и выйду за порог —
Там, где простор все шире, шире —
Земля рассветная и... Бог!
И все сначала в этом мире.

* * *

Мне не нравится эта погода.
Мокрый снег обметаю с лица.
Непокорное слово «Свобода»
Отливают всегда из свинца.

На исходе холодного лета
Вдруг закружит, завьюжит пурга...
Это горькое слово — «Победа»,
Потому, что цена дорога.

Но всегда: и отныне, и присно
Нас зовет на святые дела
Это светлое слово «Отчизна»,
Потому, что любовь к ней светла.

РУССКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Гоню кручину прочь,
Глушу в стакане смех,
Ложится тихо ночь
На серый, серый снег.

Клонится голова
На белый, белый круг —
За грубые слова
Прости меня, мой друг.

Я утром извинюсь,
Я отряхнусь от снов,
Потом опохмелюсь
Настоем горьких слов.

Простившись, повернусь
И выйду за порог —
Там, за порогом Русь,
Там, за порогом Бог...

НИЩЕТА

Не улыбайся мне хитро
И не подмигивай глазами.
Мое пропитое нутро
Еще стыдливое местами.

Еще понятия — стыд и срам
Упорно посещают к ночи...
Еще вздымаю к небесам
Свои прокуренные очи.

Еще молю я у судьбы
В подарок нежную улыбку,
Мне б угостить вас, но увы —
В кармане мышь прогрызла дырку.

Пойдем, подруга-нищета,
И дальше в поисках позора!
Кому предъявим мы счета
Во дни народного разора?

* * *

Спит спокойно гордый внук славян,
Родину отдав на поруганье,
Так легко поверивший в обман
И обрекший душу на скитанье.

Спит спокойно, двери затворил, —
Не страдать, коль с бедами не знаться.
Крепко спят в домах богатыри,
Не пора ли, братья, просыпаться!?

Много здесь трехглавых развелось,
Норовят огнем, мечом, обманом...
Развелось, по свету разбрелось,
Нет ни в чем отказу басурманам.

Что ж ты терпишь, гордый внук славян?
В твоих жилах кровь, а не водица —
Над полями стелется туман,
И сквозь слезы проступают Лица.

* * *

«Не дай мне Бог, сойти с ума»
А.С. Пушкин

«...Куда влечет нас рок событий»
С.А. Есенин.

Все те же улицы, дома,
Но бродят призрачные тени —
Немало нас сошло с ума
В эпоху страшных потрясений.

Немало выплакано слез
И крови пролито напрасно.
Вновь на кресте распят Христос,
И вновь душе скорбящей страшно.

Куда течет людской поток?
В одно Лицо все слились лица,
А мне бы воздуха глоток
И от толпы освободиться.

В загуле бешеном зима,
И просят милостыню дети...
Не дай нам Бог, сойти с ума
На стыке двух тысячелетий.

БОЖЬЯ ВОЛЯ

То свобода, то темница,
То дорога, то тропа,
То божественные лица,
То безликая толпа.

То заснеженное поле,
То тумана пелена,
И над всем над этим — Воля,
Воля властвует одна.

* * *

Кому звездная дорога,
Кому пыльная стезя —
Я прошу любви у Бога,
Без любви никак нельзя.

Кому пыльная дорога,
Кому млечная тропа —
Я прошу любви для Бога,
Но бесчинствует толпа.

Вот и состарилась улочка тихая,
Где мое детство прошло.
Часики летние тикали, тикали —
Время травой поросло.

В сонном бурьяне чуть видима улочка —
Только репей да осот.
В доме напротив старушечка-дурочка
В детстве счастливом живет.

Там на краю, у крутого обрыва,
Яблонька клонится вниз...
Яблочки бело-седого налива
Диким вином налились.

Что же, друзья, расплескаем по кружечкам
Памяти нашей вино...
Вот и состарилась тихая улочка —
Тихо в округе давно.

ОСЕННЕЕ

Потоки слов размытых объявлений,
Кусочки слов оборванных афиш,
С утра до ночи нудный дождь осенний
Стучит, стучит по колокольням крыш.

Не разобрать о чем трезвонят капли,
Летающие с небесной высоты,
Но, говорят, что капли точат камни
И подмывают дамбы и мосты.

Осенний дождь стучится в перепонки,
Как будто пушки ядрами палят.
Плывут дома, киоски, остановки,
И летние автобусы стоят.

Размыто время: ни тепла, ни стужи.
Всяк норовит свой обиходить кров...
Лишь воробей, нахохлившись у лужи,
Следит за тенью серых облаков.

МАРТ

Время таянья снегов,
Время первого цветенья,
Юных отпрысков сомненья
И раздумья стариков.

Время явных перемен
В жизни, в мыслях и в природе,
И, мечтая о свободе,
Попадает сердце в плен.

Время слов, как воздух, легких,
Время чудных светлых снов,
Поцелуев долгих, долгих...
До осенних холодов.

СЫНУ

На дворе такое время —
Холодно и ветрено.
Что ж ты, маковое семя
Прорастаешь медленно?

Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко,
Вырастай, сынок, скорее —
Маковое зернышко!

Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый,
От ветров тебя укрою,
Стебелек мой, маковый.

Вырастай, пока я в силе
И не гнет усталость,
Вырастай, сынок мой милый,
Матушке на радость!

СТАТУЭТКЕ, СТОЯЩЕЙ НА СТОЛЕ

О чем ты думаешь, болван?
Ну-ну, не стоит так сердиться,
Пришитый к заднице карман
От частых лазаний лоснится.

Записка там и медный грош,
Да пара пуговиц блестящих...
Ах, до чего же ты хорош!
Средь нас, болванов настоящих.

* * *

Улеглась, устоялась погода,
И в душе стало ясно, легко —
Не найти к этой женщине брода,
Видно, в прошлое нету его.

Утекли, словно вешние воды,
Безрассудные годы мои,
Были теплые дни у природы,
Были теплые губы твои.

Не забыл я, все помню доселе —
Как горела цветами трава,
Ах, какие вы песни мне пели,
Ах, какие в них были слова!

Улеглась, устоялась погода,
Лишь волнуется память-река...
Не найти в ней обратного брода,
Слились с небом ее берега...

* * *

От щемящей тоски замираю,
Будто лист трепещу на ветру.
Каждый вечер, ложась, умираю
И рождаюсь опять поутру.

Ночь без сна — репетиция смерти,
Где бы ни было: в поле, в дому...
Вы гордыню слепую умерьте
И смиренно молитесь Ему!

Мысли дерзкие мыслью стираю,
Смерть красна, говорят, на миру.
Каждый вечер, ложась, замираю,
Просыпаясь — молюсь поутру.

* * *

Не снись, не надо. Поутру
Мне так бывает одиноко,
Что кажется, сейчас умру,
Без промедления, до срока.

Не снись, не надо. Я пойму,
Что в этом мире так ведётся —
Что недоступно одному,
Другому с лёгкостью даётся.

Не снись, не надо. Наяву
Ты промелькнешь весенней птицей,
А мне, покуда я живу, —
Все будет та, другая сниться.

Не снись, не надо. Бог с тобой,
Не бери больную память,
Все, что отмеряно судьбой,
Не изменить и не поправить.

Не снись, забудь меня, забудь
Еще до встречи, до обмана —
Я твой благословляю путь...
Но Боже мой! Как ты желанна...

* * *

Старые дровни скрипят от мороза,
Стынут в логах тальники...
Вот и пришла ко мне горькая проза,
И приумолкли стихи.

Время раздумий нелегких настало,
Хлещет листва по лицу,
Тени ракитника и краснотала
Тают в предзимнем лесу.

Жизнь переходит в иное понятие —
Время смывать миражи,
Время, когда проступает сквозь платье
Свет обнаженной души.

Это и есть то мгновенье земное,
Где у незримой черты —
Небо, палящее и ледяное,
И никакой суеты.

ПАМЯТИ ДОЧЕРИ

То ль в душе, то ли в доме сквозняк,
Ходят женщины в чёрных платочках,
Подоконник от влаги набряк,
Потускнели герани в горшочках.

Суета, торопливость ушла,
И ничто тишину не тревожит.
Лишь над гробом живая душа
С мертвой жизнью расстаться не может.

За окошком крепчает мороз,
Как бы мне пережить эту стужу,
Дай же, Господи, силы и слез,
Чтоб оплакать родимую душу.

Все неправильно в мире, не так,
Ни умом не принять, ни душою.
Над землей, под землею сквозняк —
Твердь разверзнута волей чужою.

* * *

Тихая заводь, трава да тальник,
Да серебрится водица...
Что ж ты, мужик, головою поник —
Или надумал топитьяся?

С берега в омут, и думы долой,
Бог, мол, простит горемыку,
Что ты мотаешь хмельной головой —
Шепот подобен твой крику.

Камень тяжелый, зачем он тебе,
Что есть вины тяжелее?
Что же случилось такое в судьбе —
Коль ты с веревкой на шее?

В речку задумчиво смотришь, браток,
Время ль настало молиться?
Тихая заводь, да берег высок —
Плачет сестрица-водица.

* * *

Видится сон, или снится мне быть —
Поле, дорога да белый ковыль.
В дальнем селе ожидают гонца,
Только не видно дороге конца.
В небо уходит, сливается с ночью,
Сон это все, или вижу воочью?
Где же граница меж светом и тьмой,
Серая птица кружит надо мной.
Правлю коня: «Ну-ка, вынеси, друг!»
Только уходят поводья из рук,
Тихо сползаю на землю с коня,
Не дотянул до живого огня.
В поле, в степи — все едино теперь.
Скрипом исходит бездомная дверь.

* * *

...Со мною будет все иначе:
Разлуку смертную кляня,
Одна лишь женщина заплачет,
Одна — любимая моя.
Платок накинёт деревенский,
На холод выйдет за порог...
И будет плач ее вселенский,
И будет крик ее высок.
И будет эхо долго, долго
Лететь, цепляясь за кресты...
И до ближайшего околка,
И до светящейся звезды.

СОТВОРЕНИЕ

Просвистела стрела
Через двери в окно,
Светлый день рассекла —
Стало в доме темно.

Белый свет рассекла —
Стало в мире темно,
Опустилась стрела
В сине-море, на дно.

Опустилась рука,
Что пустила стрелу,
Оглянулся — Века
Проступили сквозь мглу.

Загорелась вода,
Запылала огнем...
И ночная звезда
Стала видима днем.

Еле слышимый гул
Подхватил и... в седло.
Я коня повернул —
Время вспять потекло.

Я увидел поля,
Разных гадов и птах.
И держалась Земля
На огромных китах...

* * *

Проснусь внезапно среди ночи
И сон тревожный оборву,
И хорошо, а то пророчит
Он мне разлуку поутру.

Раскрою окна, свет хрустящий
Скользнет чуть слышно по стене,
И я пойму — я настоящий,
А ты — пришедшая во сне.

А ты, пришедшая Оттуда,
Обронишь тихо: «Мне пора»...
Я плед накину, сон забуду.
И сам забудусь до утра.

А, утром что-то вспоминая,
Вдруг осенит меня вопрос:
Откуда брошка золотая
И золотая нить волос?

Ведь мне казалось — все бесследно
Исчезло, кануло в ночи...
Кричу, но эхо безответно,
Молчу, в ответ: «Молчи, молчи».

* * *

Все испытал я: и бури, и стужу,
Водку глотал, обжигаясь, как чай, —
Вот и смутил твою юную душу,
Вот и сердечко смутил невзначай.

Бросил словечко, любуясь деяньем, —
Что натворил, седовласый старик?
Ведь от разлуки так долго к свиданью,
А от свиданья к разлуке — лишь миг.

Все я прошел: океаны и сушу,
Все, что отмеряно было судьбой...
Вот и смутил твою чистую душу,
В омут глубокий увлек за собой.

* * *

Забуду тебя, забуду
И имя твое, и ладонь.
И писем, нечитанных, груды
В огонь побросаю, в огонь.

От боли сожмется бумага,
И искрами вспыхнут слова:
«Бродяга», «бодяга», «бедняга»,
«Ах, плут» и «сорви-голова»...

Что ж, bravo, любимая, bravo!
Прозревши, успел я прочесть —
Тебе — суматошная слава,
А мне — беспортошная честь.

И слов запоздалых не надо,
Крылатого вздыблю коня...
Тебе за все муки награда —
Не видеть, не слышать меня.

* * *

Мимолетность встречи,
Сладкий, сладкий миг —
Ласковые речи
Грешный мой язык

В тишине лопочет,
Шепчет до утра...
Ласковые ночи,
Сладкая пора.

Ласковые руки,
Лживый мой язык
Вечность до разлуки
Превращает в миг.

ВОЙНА И МИР

Пройдя сквозь игольное ушко,
Свой путь обозначил в судьбе.
Моя золотая пастушка,
Я снова вернулся к тебе.

Пройдя сквозь игольное ушко,
Тебя отыскал среди дня...
Но громко вдруг грохнула пушка, —
Ты вновь потеряла меня.

Опять разбросала по свету
Солдат мировая война...
И ушка игольного нету,
Расплавил иглы она.

По кругу солдатская кружка
Гуляет, медалькой звеня.
Моя дорогая пастушка,
Как будешь ты жить без меня?

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В КЕМЕРОВО

Мерзнет панно на углу гастронома,
Девочка мерзнет в ажурном белье.
Жуткий мороз. Половина второго —
Дворник мечтает о скором тепле.

Только б скорее закончить работу —
Снежный завал разгрести и... домой,
Падает снег с четверга на субботу,
Пятница в этом году — выходной.

Слышится скрип одиноких ботинок,
На перекрестке поземка шуршит,
Мимо «де люксов с Европой» и «Льдинок»
Кто-то проходит в полночной тиши.

Кто-то бредет по ночным переулкам,
Видно, с бессонницей дружит давно...
В этом пространстве, морозном и гулком,
Слышно — снежинки стучатся в окно.

Все в этом мире старо и не ново —
Крутит поземка немое кино...
Мерзнет панно на углу гастронома,
Девочка мерзнет, а нам все равно.

Видно, забыли одеть по погоде,
Рекламодатели, шут их возьми!
Дело закончено, дворник уходит,
Мерзлой лопатой в подъезде гремит.

* * *

Во сне я видел сон,
Он страшен был и ясен;
Среди святых икон
Сидел диавол в рясе.

Переодевшись так,
Искал себе он славы,
Но опускался мрак
На купол златоглавый.

Небесные врата
Свет тихий излучали.
Мирская суета
Все множила печали.

Гудел скорбящий люд
И в страхе копошился...
Господь сказал: «Я тут —
На миг лишь отлучился».

Перекрестился я,
На голос обернулся,
Всевышнего моля —
В сон праведный вернулся.

БЫЛЬ

По эту сторону окна
Сидит красавица одна,
А по ту сторону окна —
Лежит огромная страна.

По эту сторону окна
Вся водка выпита до дна,
А там за сумрачным окном —
Моря и реки, кверху дном.

По эту сторону окна
Жена пьяна, иль не жена...
Не разобравшись, под окном
Мужик раскинулся крестом.

И гробовая тишина
По обе стороны окна...

БЫТИЕ

С тех давних и далеких дней
Прошла эпоха целая...
И я был в ней, и я был с ней —
Ей в помощь что-то делая,

И на пределе бранных сил
Помочь пытался ближнему —
Не навредил, не навредил —
Хвала за то Всевышнему!

НАЧАЛО

Еще не знали сна,
Не ведали причин,
Была Земля одна,
И был Творец один.

Сходила тьма на нет,
Чуть брезжило вдали,
И растекался свет
По жилочкам Земли...

РУСЬ-1993

Родина — женщина русоволосая,
Милая, милая — нету милей...
Что же ты нынче, нагая и босая,
Кровь источаешь на груди камней?

Что же ты ножки свои не укутала
В травы шелковые, мягкий ковыль?
Что же ты волосы светлые спутала —
Все перепутала: сказку и былль?

Стелется по полю дымка неясная,
Прячется в травах вечерняя тишь...
Родина милая, девица красная,
Что ж ты в окошко так грустно глядишь?

Вороги скачут полями, долинами,
Молодцы русские спят на печи,
Видно, забыли, что были былинными...
И заржавели от спячки мечи.

Вышли бы в поле, померялись силою,
Снова на Русь надвигается тьма...
Родина — женщина милая, милая —
В сердце тепло, а под сердцем зима...

ПРИЧАСТИЕ

В дни гонений,
вражды
и мытарства
Чудный голос я слышал вдали,
Был вне времени я, вне пространства,
И летал, не касаясь земли.

Что творилось внизу подо мною,
Как там, мама в разлуке жила...
Протекала весна за весною,
И зима за зимою ползла.

Запредельная мысль трепетала,
Среди звездной металась пыли,
За страницей страницу листала
Книгу Жизни и книгу Любви.

Это время дробилось на части,
И мгновенья метались во мгле.
Принимал я во Храме причастье,
Чтоб вовек не грешить на земле.

Чудный голос тревожил сознание,
Колокольчиком нежно звеня.
В дни гонений, любви и скитанья
Эти звуки ласкали меня.

РУССКИЙ ПЛАЧ

Тяжело, тяжело. Не поднять головы,
Чуть поднимешь, накинута гады.
И живи так — не выше болотной травы,
Ниже можешь... могильной ограды.
Вдоль по полюшку-полю трава да трава,
От земли и до небушка сухо...
И гуляет по свету людская молва
О величии Русского Духа.
Где он нынче, в какой он живет стороне?
Помолиться б ему во спасенье...
Ведь сегодня я вновь наяву, не во сне,
Божьей матери видел знаменье...

ВОСПОМИНАНИЕ О 1953 ГОДЕ

Кожаная куртка,
Золоченый зуб —
Местный урка — Юрка,
Не фигура — куб.

Высотой два метра
От ушей до пят,
Сапоги из фетра
Вовсе не скрипят.

По району ходит,
Стелет слов шелка,
Кто-то не находит
В доме кошелька.

На словечко щедрый,
На гостинцы крут.
Сапоги из фетра
Мягкие, не жмут.

Стянет в лавке бурку,
Да не тот размер.
И отправят Юрку
В каменный карьер.

Через год в «Мозжухе»
Под крутой горой
От «простой» желтухи
Сгинет наш герой...

А пока по свету
Ходит не спеша,
Улыбаясь лету,
Грешная душа.

* * *

Снова изменились времена —
Все меняют: судьбы, имена,
Все меняют, Бога не боясь, —
Рвут в утробе родовую связь.

РУССКОМУ МУЖИКУ

*«О, русская земля,
уже ты за холмом»*

«Слово о полку Игореве»

Ты пьешь вино, вины не зная,
Грустишь о чем-то о былом...
Живешь в аду, но жаждешь рая —
Россия где-то за «бугром».
Там, за «бугром», — бугры и ямы,
Там роют пропасть нам с тобой.
И не хватает, видно, «тямы»
Нам повернуть на путь другой.
Очнись, мужик, взгляни воочью,
Россия-матушка во мгле.
И днем, и ночью, днем и ночью
Гуляют бесы по земле.
Ты пьешь вино.
Что ж, пей, но в меру,
Пей, чтоб не двинуться умом,
Не потерять отцову веру.
Россия, где ты?
За холмом?..

БАЛАХОНКА

Испаряется солнце в горячем ведре,
От жары просто некуда деться,
Я поставил свой дом на змеиной горе —
И живу, не пугаясь соседства.

И живу, не пугаясь шуршания стен,
И люблюсь клубящимся садом.
Все по милости Божьей — цветенье и тлен,
Миг и Вечность соседствуют рядом.

Я поставил свой дом между светом и тьмой —
В смутном облаке лица, забытые мной...

* * *

Лают в деревне собаки,
Вновь чужаки забрели —
Не избежать, видно, драки,
Рвутся с цепей кобели.

Вот и сбылись эти слухи...
Гарью тянуло с реки...
Воют горластые суки,
Им подвывают щенки.

Не избежать, видно, крови,
Выгнуты спины дугой...
Слезы горячие, вдовьи,
Скоро прольются рекой.

Пылью взметнется дорога,
Гром прогрохочет вдали...
Нерусь стоит у порога,
Рвутся с цепей кобели.

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Не озлобляйте ум и сердце,
Не оскверняйте души злом,
Всегда вы в роли иждивенцев —
Пасетесь во поле чужом.

В миру безмолвного творенья
Вам, громогласным, не понять,
Что исихатское моленье
Нам до поры велит молчать.

Молчит народ, потом как ахнет
И разметет смердящий дым...
А русский Дух, он Русью пахнет
И оттого неистребим.

И потому хочу заметить,
Заметить раз и навсегда,
Что нам в пути не ваша светит,
А наша — русская звезда...

* * *

Я пил вино — душа болела,
Жена белугою ревела.
Я бросил пить — жена поет,
Душа белугою ревет.

РАССВЕТ

Крадется, словно тать,
И воздух рвет упругий.
Готовы словом стать,
Чуть слышимые звуки.

Готовы строчкой стать,
Те мысли, что ищу я.
Когда б да кабы знать,
О чем молчит вещунья.

О чем молчат слова,
Готовые родиться.
Не знает голова,
Куда ей приклониться.

Все знать бы наперед,
К чему тогда стремиться...
Готовы звуки в лед
Безмолвный превратиться.

УХОД

Чай на блюдечке стыл...
Собираясь в дорогу,
Батя с крестиком был,
Слава Богу!

* * *

У меня нет времени уже
Тратить время на пустые битвы.
Божий свет затеплился в душе,
И открылось сердце для молитвы...

ЗАПОВЕДЬ

На грешную жизнь не ропщите, —
Все было, все будет в судьбе.
В друг друге врага не ищите,
Но Бога ищите в себе.

В друг друге лишь друга ищите,
Отринув хулу и вранье,
И памяти тонкие нити
Не рвите во имя свое.

* * *

Она сказала мне: «Прокатимся по осени...» —
И покатались золотые дни.
Чего нам только люди не пророчили,
Мы верили в пророчества свои.

Мы верили — заблудшим есть спасенье,
Когда входили в просветленный лес...
Рассказывали птицы удивленье,
Их удивленье слышалось окрест,

Осенних нот мелодия лесная
Слезила души, трогала умы.
Мы шли и шли, еще не понимая,
Что осень лишь прелюдия зимы.

* * *

Твои глаза — два озера глубоких,
Как ни гляди, в них не увидишь дна.
С ума свела ты, видно, очень многих.
Ужель и мне пора сходить с ума?

С ума сойти и побрести по кругу,
В котором ни начала, ни конца!..
И отыскать в потемках твою руку,
И воздухом качнуться у лица.

И ощутить всей трепетною кожей
Нечайных чувств нахлынувший прибой, —
Ни на кого ты в мире не похожа,
Никто на свете не сравним с тобой.

Твои глаза — два омота бездонных,
Какая тайна кроется в глуби!..
И тысячи ночей, и дней бессонных —
Всего лишь миг в предчувствии любви.

* * *

Опять о памяти. Я в ней,
Как в бесконечном лабиринте,
Иду вперёд и... прошлых дней
На руку сматываю нити —

То шёлк, то лён, то дратвы скрип,
Тяну минуты мирозданья —
То женский крик, то детский всхлип,
То смех, то хохот, то рыданья —

Всё длится в памяти моей,
Всё длится в памяти Вселенной,
Среди бессмысленных ночей
О дочке плачу убиенной,

О сыне маленьком скорблю,
Мне все твердят, что время лечит,
Но я разлуку не терплю,
И мне её заполнить нечем.

Я памятью своей живу
И нить суровую сплетаю...
Живу во сне, как наяву,
И пробужденья ожидаю.

* * *

Пройдет печаль, исчезнет грусть
И ночь, как сон, истает.
Любовью к ближним истончусь —
Душа любовью станет.

* * *

Без любви проживаем на свете,
Наши чувства затянуты в жгут.
Оттого несчастливые дети
Обезнеженно в мире живут.

* * *

С бутылкой легкого вина
Идём по снежным нитям,
Осушим грешную до дна —
На дне лишь дно увидим.

Себя, сквозь синее стекло
Увидев, не узнаем.
Как быстро время утекло,
И мы с тобой истаем.

Как снег апрельский за окном
В дни отступившей стужи...
Все будет позже, все потом.
А нынче красненьким вином
Мы согреваем души.

МЕТАМОРФОЗА

Он меня совсем не узнает,
А твердит, что знает — явно врет.
Говорит, что помнит, ей-ей-ей...
А глаза все уже, глазки злей.
Не обманет этот лживый взгляд,
Что ни слово, что ни буква — яд.
Развалился надвое язык.
Жало вижу и змеинный лик.
Ухожу, душа мне так велит,
Он мне вслед уже без слов шипит...

* * *

Вновь за окошком слякоть,
В сенях тоскует пес.
Во сне не стыдно плакать,
Во сне не видно слез.

Когда душе тревожно,
Когда душа болит,
Во сне поплакать можно,
Укрывшись от обид.

ПАМЯТИ Ю. КУЗНЕЦОВА

И хорошо, и одиноко,
И по-осеннему легко.
Всё, что до срока — то от Бога!
И всё, что в срок — то от Него.

Светлеют призрачные дали,
Густеет воздух, как стекло.
Мы в жизни многое познали,
И не познали ничего.

Поэт уходит. Вслед ни слова —
Молчит любимая страна.
Когда еще родит такого
В России русская жена?

Когда в тиши земного сада
Плоды покаты по ветвям?
Страна моя, тебе бы надо
Знать цену лучшим сыновьям!

Гудит натруженно дорога,
Над ней — вселенская тропа.
И хорошо, и одиноко,
И Богу вверена судьба.

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Послушай, как почки на веточках дышат...
Хочу тебя видеть, хочу тебя слышать!

Весеннего леса призывные трубы...
Хочу целовать земляничные губы!

Ты выйди навстречу, на то перепутье,
Мы встретимся вновь, времена перепутав.

Ты только не рви тонких завязей нити —
Хочу тебя слышать, хочу тебя видеть.

* * *

Александрю Кохановскому

«Агдам», «Портвейн», «Ркацители»...
Стихи читали, песни пели
Вдвоем за кухонным столом
И допоздна о том, о сём:
Вновь у меня не шли дела,
А от тебя жена ушла.
Краюха хлеба, кетчуп, соль.
И жизнь то поперек, то вдоль.
А там вдали то снег, то град.
Давай еще «накатим», брат,
По кружке светлого вина —
У нас ведь Родина одна,
У нас ещё тепло в дому,
Но очень страшно одному!
И потому с тобой вдвоём,
О Родине печалюсь, пьём...

МЫСЛИ ПО СЛУЧАЮ...

Что за день? Прескверная погода,
Нудный дождь извёл меня совсем.
Холодно. Бездарная работа,
Голова забита чёрте чем.
Телефон подпрыгивает звонко,
Не возьму я трубку — «хватит, ша»,
Говорят, что рвётся там, где тонко, —
У поэтов тонкая душа.
Что за день? Пустые разговоры —
Впору выть по-волчьи на луну,
Не хочу с самим собою ссоры —
На замочек душу застегну.

НОЧНОЙ ПУТЬ

Свет переходит из дальнего в ближний,
Луч очертил темно-алые вишни.
Первый мороз, — и неожиданные встречи
Что же ты кутаешь в облако плечи?

Двигается, движется свет одинокий.
Кто-то незримый стоит у дороги,
Кто-то, кому-то сегодня так нужен.
Свет в чистом поле туманом притушен.

Что там — вдали, за крутым поворотом,
Эхом разносится — что там, ну что там?
Свет переходит из ближнего в дальний —
Смысл бытия неразгаданный, тайный...

Тьму разрезает ночная дорога
Все от судьбы, всё от господ Бога!

* * *

Божественный миг бытия —
Мелькнула улыбка твоя,
Мелькнул и осыпался взгляд,
Лишь искорки смеха звенят,

Рассыпалось время, лишь сон
Хранит тот божественный звон.
И в светлых прожилочках дня
Мелькает улыбка твоя.

СНЕГУРОЧКА

Я целую тебя, я целую,
Я хочу растопить ледяную, —
Ледяную твою любовь,
Всё теплее, теплеет кровь...

Я целую тебя, я целую —
Вот уже поцелуй к поцелую,
Вот уже твои губы дрожат,
И слова — невпопад, невпопад.

Я люблю тебя, слышишь? Люблю,
Ледяную тебя растоплю —
Растоплю, растоплю — растопил...
Тёплый дождик снега окропил.

Где же та, что любимой была?
Белым облаком вдаль поплыла.

* * *

Я не знаю, что будет со мной,
Я не знаю, что будет с тобою,
Но любовью любить неземной
Нам позволено всё же судьбою.

Распускаются листья весной,
И цветы по пригоркам гурьбою,
Я не знаю, что будет со мной,
Я не знаю, что будет с тобою.

Проплывут облака над землёй
И растают вдали, за холмами.
Я не знаю, что будет с тобой,
Между мной и тобой — между нами!

Ветру белому вслед я кричу:
«Донеси этот зов до любимой!»
И страдать, и любить я хочу
За пределами жизни счастливой.

* * *

Куда ведёт меня дорога,
Куда змеится санный след?
Красивых женщин очень много,
А некрасивых вовсе нет.

Куда ведёт меня тревога,
Лишая разума и сна?
Желанных женщин в мире много,
Но всех желаннее одна.

* * *

По воле случая, по воле
Других каких-то странных сил
Ко мне пришли любовь и горе.
«Зачем пришли?» — я их спросил.

Ответа долго дожидался,
К ночи трезвел и снова пил,
Лишь ветер весело смеялся,
И дождик слёзно моросил...

Они ушли вдвоём под утро,
Одновременно, как пришли.
И мимоходом, так, попутно —
Сомненья в душу занесли.

* * *

Не верьте гороскопам,
По звёздам не гадайте.
Хотите знать о многом,
Но лучше меньше знайте,

С судьбой играть не надо,
Заигрывать тем паче,
В метельном листопаде
Ловите миг удачи.

Не примеряйтесь к срокам
И души не терзайте.
Мы все живём под Богом,
Гадайте, не гадайте...

Одно лишь провиденье,
Принять должны как данность:
Где теплится селенье —
Там жизнь, любовь и радость.

Нам, наверное, нужно расстаться:
Кроме пепла, лишь воздух в горсти...
Тебе снова и снова влюбляться,
Мне же в тихую гавань грести.

И печалиться, верь мне, не надо,
Ни себя, ни меня не вини,
В хрупких листьях опавшего сада
Золотые мерещатся дни.

Дни, в которых и зрелость, и смелость,
И любви нерастраченный пыл;
Мне ведь тоже безумно хотелось —
Так любить, как никто не любил...

Незаметно вдруг осень настала,
И опять далеко до весны...
А любовь, что как призрак витала,
Вновь вернёт нас в июльские сны.

ДАЧНЫЙ РОМАН

В доме запахло морозным бельём,
С женщиной этой мы в доме вдвоём.
В печке огонь превращается в дым,
Пенится снег за окошком ночным,
Верная муза, обидевшись, спит
Чайник пузатый, надувшись, фырчит.
Светлые тени бегут по стене,
Светлые мысли рождая во мне.
Кресло, топчан, подвесная кровать,
Стрелки часов указуя: «Спать»...
Только мы вряд ли сегодня уснём,
Женщина пахнет морозным бельём..
Грею ей руки дыханьем своим.
Целую вечность сидим и молчим.
Ветер в окошко и ветер в трубе —
Белая ночь белой нитью в судьбе.

* * *

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...

С.Есенин

В этой жизни унылой, постылой,
Я, как мог, под гармонику пел.
Я хотел тебя сделать счастливой,
Но, как видимо, не сумел.

То ли песни мои не согрели,
То ль не те были в песнях слова...
И другие соловушки пели, —
Так, что кругом плыла голова.

Видно, песней тебя шаловливой
Увели белым днём от меня,
Я хотел тебя сделать счастливой,
Я не знал, что ты ею была.

* * *

Слова вдруг повернулись вспять
Поверить в это невозможно —
Ты предаёшь меня опять,
Ты предаёшь меня безбожно.

Я, видно, тронулся умом:
Лечу, лечу по белу свету,
Как будто в поезде пустом,
Где машиниста даже нету.

На стыках времени стучат
Минуты — дни, года — мгновенья...
Слова заученно звучат —
Им далеко до откровенья.

Где мысли Таинства полны
Ещё в зачатъе слов неясных,
Жить ожиданьем слов прекрасных,
Похоже, мы обречены.

* * *

Когда настанет время расставаться
И покидать навеки отчий дом,
Наверно, мы не будем целоваться,
Оставим поцелуи на потом.

Когда настанет время вновь встречаться
В далёкой и неведомой стране,
Мы будем долго, долго целоваться
И вспоминать о доме на земле.

* * *

Мелькают за датою дата,
Как тени дорожных столбов,
Всё в жизни проходит когда-то.
И даже любовь.

Над лесом летят, словно птицы,
Дымы облаков.
Всё в жизни опять повторится.
И даже любовь.

* * *

Какая благодать —
Мне с Вами не встречаться,
Не думать, не страдать,
Не слышать, не смущаться.

Какая благодать —
Ловить чужие взгляды.
О, если б мог я знать,
Что в поцелуях яды!

О, если б мог я знать,
Что скрыто за словами,
Какая благодать —
Что я уже не с Вами!

Но больно обрывать
Любви увядшей нити.
Какая благодать —
Хоть изредка Вас видеть...

* * *

Был я с тобою и нежным, и страстным,
Вкус твоих губ до сих пор на губах.
Что же ты мучаешь словом ненастным,
Что же так холода много в словах?

Будто и не было тёплого лета,
Той сенокосной июльской поры,
Где мы с тобою на краешке света
Райского сада вкушали плоды...

Годы прошли, снегопадами, ливнями
То ли во сне, то ли всё наяву —
Памятью доброй, мгновеньями дивными,
Светлой любовью я в мире живу.

* * *

Я прошёл такие холода,
Я был там, где только снег и ветер,
Где сгущалось небо, как вода,
Леденели звёзды на рассвете.

Я прошёл такие холода,
Я «мурцовки» хлебнул острожной,
И теперь мирская суета
Кажется пустой мне и ничтожной.

Я прошёл такие холода,
Где и вправду леденело тело,
Оттого так рано борода
На лице морозном побелела.

Я прошёл такие холода...
Но душа к любви не охладела.
Всё прошло — и радость, и беда.
Всё пришло и... вновь душа запела.

* * *

Старые дровни скрипят от мороза,
Стынут в логах тальники...
Вот и пришла ко мне горькая проза
И приумолкли стихи.

Время раздумий нелегких настало,
Хлещет листва по лицу,
Тени ракитника и краснотала
Тают в предзимнем лесу.

Жизнь переходит в иное понятие —
Время смывать миражи,
Время, когда проступает сквозь платье
Свет обнаженной души.

Это и есть то мгновенье земное,
Где у незримой черты —
Небо палящее и ледяное,
И никакой суеты.

Моего беспробудного пьянства
На три жизни хватило б с лихвой,
Нарушая закон постоянства —
Я играл и собой, и судьбой.

Я тонул в океане сивушном
И сдавался в неравном бою,
Я искал в этом мире бездушном,
Заплутавшую душу свою.

Ну а мне то портвейна, то рома
Подливали в осклизлый стакан,
Чтоб забыл очертания Дома,
Чтоб забыл очертания стран.

Чтоб бродил беспризорно по свету
И свободные земли искал.
Оглянулся, а Родины нету —
Я по пьянке её распродаю .

Всё продал и ворота, и ставни,
Не укрыться теперь и во сне —
Даже друг мой далёкий, мой давний
Стал вражиною преданной мне.

И теперь без конца и начала
В круговерти безумных страстей —
Затерялась душа, одичала
И живёт где-то жизнью ничьей.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Ханбеков.

«Я листочек на ветке любви...»	3
«И холмы, и равнины...»	10
Заброшенный дом	11
Смерть бабки	12
Батагай	13
«Хоронили в селе пастуха...»	14
«Загляделся в прозрачный ручей...»	15
«Песочные часы. Шуршание песчинок...»	16
Погорельцы	17
«Когда сменяются цари...»	18
«Хороним мальчиков своих...»	19
«Три женщины любимых...»	20
«Ходил, бродил по свету...»	21
Из цикла «Короткие встречи»	22
Родова	24
«Как цветок придорожный поникну...»	25
«Вот и вышел намеченный срок...»	26
«Сколько потеряно...»	27
Мольба	28
«Дороги, долгие дороги...»	29
«Глаза в глаза...»	30
Алёша	31
Русский мотив	32
«Отремонтировали дом...»	33
«Вырыл колодец глубокий...»	34
«Шампанское куплю и шоколад...»	35
«Улягутся страсти-мордасти...»	36
«Уезжаю с ночного перрона...»	37
«Осенняя трава...»	38
«Я выпил море, или два...»	39

«Нам, наверное, нужно расстаться...»	112
Дачный роман	113
«В этой жизни унылой, постылой...»	114
«Слова вдруг повернулись вспять...»	115
«Мною прожито немало...»	116
«Когда настанет время расставаться...»	117
«Мелькают за датой дата...»	118
«Какая благодать...»	119
«Был я с тобою и нежным, и страстным...»	120
«Я прошёл такие холода...»	121
«Старые дровни скрипят от мороза...»	122
«Моего беспробудного пьянства...»	123

БУРМИСТРОВ
Борис Васильевич

ТЁПЛОЕ ДЫХАНИЕ ЗИМЫ
Стихотворения

Редактор Л. Верин
Корректор В. Ананина
Техредактор А. Поляков

Сдано в набор 25 мая 2005 г.
Подписано в печать 30 июня 2005 г.
Формат 70х90 1/32. Объем 4 п.л.
Тираж 700 экз. Бумага офсетная.
Заказ 450

Издатель — Независимое литературное агентство
(«Московский Парнас»
121069, М., Поварская ул., 52, оф. 23,
тел. 291-6341)

Отпечатано в ООО
типографии «ПОЛИМАГ»
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107

57-
20 руб. 00 к. ЦЕНА

